

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЖУНУШОВА С. О.

Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына

УДК. 316

Истоки оформления научного понятия «идентичность» современные психологи и социологи находят в работах З. Фрейда «Толкование сновидений» и «Групповая психология и анализ эго». В «Толковании сновидений», изданной на рубеже XIX-XX веков, Фрейд впервые использовал термин «идентификация», под которой он понимал неосознаваемое отождествление субъектом себя с другим субъектом и считал ее механизмом усвоения ребенком образцов поведения значимых других, формирования супер-эго» [1, с.42-43]. После написания работы «Групповая психология и анализ эго» в 1914 году Фрейд придавал понятию идентификации более широкий смысл, определяя ее не только как бессознательную связь ребенка с родителями, имеющую преимущественно эмоциональный характер, но и как важный механизм взаимодействия между личностью и социальной группой [2]. Следовательно, использование одного и того же термина – «идентификация» – применительно к двум различным уровням человеческих отношений с позиции теоретических воззрений Фрейда было вполне понятным. Согласно его воззрениям, в основе любви к своей группе и агрессии по отношению к другим лежит ранний детский опыт амбивалентных эмоциональных отношений, который впоследствии переносится в сферу социального взаимодействия.

Более основательно впервые понятие «идентичность» было представлено в известной работе Э. Эриксона «Детство и общество». Поэтому особая заслуга в разработке данного понятия с точки зрения его структурно-динамических характеристик по праву принадлежит Э. Эриксону, и в последующем подавляющее большинство исследователи данной проблематики, так или иначе, соотносились, опирались на его концепции. «Неожиданно появляющаяся идентичность наводит мосты между стадиями детства, когда телесному я (the bodily self) и родительским образам придаются их культурные коннотации; она же соединяет мостом и стадии ранней взрослости, когда множество социальных ролей становятся доступными и, фактически, все более и более принудительными. Мы попытаемся прояснить этот процесс, сначала рассматривая некоторые шаги ребенка в направлении идентичности, а затем – некоторые препятствия, воздвигаемые культурой на трудном пути ребенка к обретению идентичности» [3, с.158].

Он понимал идентичность в целом как процесс «организации жизненного опыта в индивидуальное Я» (4, с. 8), что естественно предполагало его динамику на протяжении всей жизни человека. Основной функцией данной личностной структуры является адаптация в самом широком смысле этого слова. Согласно Эриксону, процесс становления и развития идентичности «оберегает целостность и индивидуальность опыта человека... дает ему возможность предвидеть как внутренние, так и внешние опасности и соразмерять свои способности с социальными возможностями, предоставляемыми обществом». Более того, идентичность имеет определенную «организующую» функцию в развитии личности – данное понятие является для него центральным при рассмотрении вопроса о стадиях психосоциального развития.

Эриксон задает идентичность как сложное личностное образование, имеющее многоуровневую структуру. Это связано с тремя основными уровнями анализа человеческой природы: индивидуальным, личностным и социальным.

Так, на первом, индивидуальном уровне анализа идентичность определяется им как результат осознания человеком собственной временной протяженности. Это есть представление о себе как о некоторой относительно неизменной данности, человеку того

или иного физического облика, темперамента, задатков, имеющем принадлежащее ему прошлое и устремленном в будущее.

Со второй, личностной, точки зрения идентичность определяется как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, задающее некоторую тождественность самому себе. Эриксон определяет эту структуру идентичности как результат скрытой работы Эго-синтеза, как форму интеграции Я, которое всегда есть нечто большее, чем простая сумма детских идентификаций. Данный элемент идентичности есть «осознанный личностью опыт собственной способности интегрировать все идентификации с влечениями *libido*, с умственными способностями, приобретенными в деятельности и с благоприятными возможностями, предлагаемыми социальными ролями» [3, с. 3].

Таким образом, развитие идентичности происходит как взаимодействие трех процессов - биологического, социального и «эго». «Эго» выполняет главную функцию, оно объединяет первый и второй процессы. «Эго» обитает между «Оно» и «Супер-эго», балансируя между двумя крайностями. «Эго» настроено на историческую действительность, находит защитные механизмы против побуждений «Оно» и принуждений «Супер-эго». «Эго» – внутренний институт для порядка индивидуума, от которого зависит внешний порядок. Существует оптимальный эго-синтез, к которому стремится индивид, и оптимальный метаболизм, к которому стремятся общество и культура. Всякий раз, когда возникают какие либо биологические или социальные изменения необходима интегрирующая работа «эго». Эго-процесс – организующий принцип, с помощью которого индивид жизнеутверждает себя как индивидуальность, со своим качеством, продолжительностью и самоопытом в своей актуальности для других. Структура «эго» характеризуется следующими компонентами: телесной самостью (Body-Self) обеспечивающей опыт тела и эго-идеалом, т.е. идеями, образцами, конфигурациями, которые служат для постоянного сравнения [3, с.11].

В дальнейшем еще один представитель психоаналитического направления Дж. Марсиа под идентичностью понимает структуру эго, внутреннюю, самосоздающуюся динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории. В его исследованиях идентичность рассматривается как одним из основных компонентов личностной рефлексии как системы представлений субъекта в отношении его последующей самореализации. По Дж. Марсиа, статусы идентичности представляют собой виды решения индивидом целостной задачи интеграции себя в обществе, и всего им выделено 4 таких вида идентичности: диффузная идентичность, предрешенная идентичность, мораторий, достигнутая идентичность. Содержания статусов зависят от того, в каком сочетании выступают между собой две главных «несущих конструкции» идентичности - ответственность и изучение вариантов выбора. Достигнутая идентичность представляет собой вариант решения задачи самоинтеграции в социум, когда перед тем, как личность смогла принять на себя различные обязательства, она прошла через кризис, связанный с изучением вариантов выбора, соответственно, этот статус идентичности является наиболее зрелым. Мораторий идентичности представляет собой вариант решения задачи самоинтеграции в социум, когда личность все еще переживает кризис изучения вариантов выбора, который пока не завершен, и, соответственно, обязательства личностью еще не приняты. Предрешенная идентичность представляет собой вариант решения задачи самоинтеграции в социум, когда личность без вхождения в кризис и изучения вариантов выбора (до него или вне его) приняла на себя определенные социальные обязательства. Диффузная идентичность представляет собой вариант решения задачи самоинтеграции в социум, когда личность находится и вне кризиса изучения вариантов выбора, и вне принятия на себя социальных обязательств [4, с. 10-34]. Сегодня можно констатировать, что на современном этапе развития социологии, социальной психологии, социальной философии проблемы соотношения социальной и личностной идентичности человека остаются нерешенными. Наиболее распространенной на

сегодняшний день является точкой зрения о том, что социальная и личностная идентичности являются взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу компонентами идентичности человека и достоинства психоаналитических исследований проблемы идентичности можно обобщить следующим образом: во-первых, обозначение важной роли среды и социума в развитии идентичности по сравнению с традиционным психоанализом; во-вторых, представление о структурных элементах идентичности (ценностных ориентациях, способностях, убеждениях, поведенческих паттернах решения проблем и т.д.); в-третьих, представление о различных статусах идентичности в зависимости от переживания кризиса идентичности и значимых целей;

Теоретическую ценность представляет еще особенности когнитивного описания феномена идентичности. Здесь четко вычерченную направленность теории социальной идентичности, получила в контексте исследований Г. Тэджфелом, Дж. Тернером. Процесс категоризации, в который включаются сам субъект, а также другие социальные группы и который представляет собой «проявление адаптивной функции человеческой психики, структурирующей бесконечное многообразие стимулов окружающей среды в более упорядоченную совокупность отдельных категорий» [5, с. 16]. Социальная категоризация, согласно Г. Тэджфелу, – это достаточно простое когнитивное разделение на группы, способствующее проявлению группового фаворитизма и используемое индивидами в социальном взаимодействии, которое позволяет человеку «структурировать причинное понимание социального окружения» в качестве руководства к собственным действиям и обеспечивает «систему ориентиров для самооценивания, создавая и определяя место в обществе...» [6, с. 10]. Прежде всего, категории, отражающие содержание индивидуального «Я» и социального контекста, а также соотношение между ними; оформленные в «представление индивида о себе, происхождение которого обусловлено его знанием о его членстве в социальных группах, ... ценностью и эмоциональной значимостью, придаваемыми этому членству» [6, с. 10], как результат процесса категоризации следует называть идентичностью. Далее восприятие человеком самого себя является, с одной стороны, самосодержанием в терминах уникальных личностных характеристик, (личностная идентичность), а с другой стороны, – самоопределением в терминах принадлежности к той или иной социальной категории (социальная идентичность). Таким образом, формируется это восприятие впоследствии первоначального осознания собственной уникальности, неповторимости со следующим осмыслением своего места и роли в группе, социуме, а также при помощи последовательного освоения определенных вариантов самокатегоризации: член социальной группы или изолированное лицо. Данные явления обуславливают определенную осознанности человека, которая отражает его прошлый опыт, ожидания, ценности, цели, мотивации, потребности, другими словами, постоянная избирательность в процессах самоопределения и использования категорий, являющихся релевантными, полезными, подтверждаемыми в дальнейшем реальной действительностью и соответствующими конкретной ситуации.

Следует отметить, что в совершенно другом методологическом контексте процесс изучения идентичности в символическом интеракционизме. Так, согласно учению Дж. Мида основателя символического интеракционизма – человек существенно отличается от животного мира. Также он считает трудности преодоления предметной замкнутости отдельных наук. Процесс исследования индивидуального в истории составляет специфическую задачу социологии, социальной психологии и философии. Он широко развивает традицию междисциплинарного исследования. В данном контексте он отстаивает направление социального бихевиоризма. Но для Дж. Мида социальное взаимодействие – есть не процесс одностороннего пассивного приспособления, а именно взаимодействие двух относительно автономных систем – личности и общества, самость, как правило – результат свойств, возникших в ходе активного взаимодействия. Он считает, что изучение социальных систем должно происходить именно на микроуровне, так как в нем выявляются закономерности частного, а также и общественных уровней.

Особенности его идеи в том, что центральным понятием микроуровня остается самость [7, с.83]. Он в своих исследованиях не использует понятия «идентичность», для его учения «самость» - синтез истории общества и биографии конкретной личности. Наивысший пик развития самости – это обретение способности к широкой социальной активности. Он выделяет два типа идентичности: осознаваемая - человек сам размышляет о своем поведении, он не автономен, но свободен думать о цели и тактики поведения. Неосознаваемая – когда человек пассивно принимает нормы поведения, привычки, ритуалы. Существуют определенные способы поведения, которые идентичны по своей сути. Мы ожидаем от человека определенной реакции, без обдумывания последней.

Утверждение Дж. Мида о том, что идентификация значений протекала вместе с формированием рефлексии, лингвистических правил. Когда с одной стороны, общество определяет идентичность индивида, задавая нормы, правила, законы сосуществования, с другой стороны, человек сам задает собственное определение при выборе целей, жизненных установок, ценностей. Здесь следует отметить что, исключительное значение придается символической коммуникации: вербальной и невербальной. Ведь символичность коммуникации есть результат эволюции человека и содержание развития отношений общества и личности. Символизация конституирует объекты в социальном взаимодействии. Действительно, «избавляя мир от четко определяемых сообществ, мы создаем пространство для большей дифференциации, в котором индивиды способны к самоопределению в более универсальных терминах» [7, с.167]. В этом уникальность символизации.

Далее согласно Дж. Миду, «Я находит выражение либо в самоутверждении, либо в посвящении себя делу сообщества» [8, с. 170], при этом в первом случае наиболее серьезное значение приобретает реакция «I» и предпочтения индивидуального субъекта социального поведения, а во втором, – доминирует отклик «Me» и требования, интересы группового субъекта социального поведения. Во-вторых, логично усматривать определенное сходство концепции Дж. Мида с психологической теорией бихевиоризма в том ее аспекте, который касается определения сущности человека как биологического существа, реагирующего на свою окружающую среду. Он придавал большое значение наблюдению поведения человека, но в отличие от других, рассматривал человека как активного в духовном плане, разумного и деятельного субъекта, можно даже сказать – защищал сферу индивидуальной свободы. Также, по мнению Дж. Мида, деятельное отношение человека к окружающему миру отражает специфическую человеческую способность создавать и использовать значимые символы, которая называется «Духом», возникает в социальных отношениях, постоянно находит в них свое подтверждение и управляет поведением. Основные положения социального бихевиоризма Дж. Мида – психическое должно объясняться в терминах объективно наблюдаемого поведения. Движения человека в группе превращаются в «значимый жест» или символ. Выразительное движение у человека, будучи обращено к другому индивиду с целью вызвать, у него желаемую реакцию, вызывает в скрытой форме такую же реакцию у того, кто ее производит.

Люди интерпретируют или определяют действия друг друга, а не просто реагируют на них. Их реакции не вызываются непосредственными действиями другого, а основываются на значении, которое они придают подобным действиям. Таким образом, интеракция (взаимодействие) людей опосредуется использованием символов, их интерпретацией.

Последователь и ученик Дж. Мида Г. Блумер более глубоко систематизировал его идеи и, исследовал процесс межличностного взаимодействия в микросоциологии, при этом особое внимание, уделял на роли смыслов, придаваемых индивидом собственному поведению и взаимоотношениям с окружающими. Так, «сознательная жизнь человека с того времени, как он просыпается утром и до того, как он засыпает вечером, представляет собой сплошной поток формирования значений вещей, с которыми он имеет дело и

которые он принимает во внимание. Таким образом, человек, его организм взаимодействует с окружающим миром посредством механизма формирования значений» [9, с.174]. Понятно что, по мнению Г. Блумера, как раз сознание индивида, его способность определять значения вещей и есть определяющий фактор в осуществлении взаимодействия между индивидом и окружающей средой. Согласно Г. Блумеру, каждый человек вступает в интеракции двоякого рода: с самим собой и внешним миром, на основе их конструирования и интерпретации. При этом элементами конструкции оказываются, с одной стороны, индивидуальные «желания и потребности, цели и средства для их достижения, собственные поступки, образ Я и вероятный результат определенной линии поведения» [9, с. 169], а с другой стороны, – значения, которые индивид приписывает внешним объектам: физическим предметам, поведению других людей, социальным группам, общественным институтам. Соответственно, действуя, человек каждый раз демонстрирует и себе, и другим значения самостоятельно сконструированного (символического) мира. Более того, участие в интерактивных процессах, в том числе, различных социальных движениях, не только поддерживает и укрепляет взгляды индивида на самого себя и цели взаимодействия, но и «служит для подкрепления нового представления о себе, которое индивид сформировал в результате своего участия в движении» [9, с. 199]. Следует подчеркнуть что, «Блумер делает еще один шаг вперед и утверждает, что действующие лица создают в процессе социального взаимодействия общие символы, на которые затем сами же ориентируются, а также подтверждают, изменяют и переопределяют, модернизируют их своими же действиями. И благодаря взаимной интерпретации социальных действий непрерывно создается смысл социального взаимодействия.

В интеракции (социальном взаимодействии) любое действующее лицо участвует в определении ситуации, выражает это внешне и показывает своим поведением, как он желает истолковать ситуацию и что поэтому имеет значение. В свою очередь другие лица участвующие в действии интерпретируют его поведение и учитывают его в своем определении ситуации. Этот процесс осознается крайне редко и еще реже обсуждается вслух, но он постепенно ведет к общему определению ситуации». С позиции символического интеракционизма «совместная жизнь людей представляет собой процесс, в котором объекты создаются, закрепляются, преобразуются, в современной интерпретации модернизируются и отвергаются. Жизнь и деятельность людей с необходимостью изменяются в соответствии с изменениями, которые происходят в их объективном мире» [10, с.91].

Известно что, человек постоянно сталкивается в социуме с изменчивостью социальных процессов, социальных ситуаций, в каждой из которых он вынужден действовать, интерпретировать и определять условия своего действия, начиная с потребностей и кончая предполагаемыми результатами совместных действий. И конечно, социальное действие невозможно объяснить с помощью поиска его причины, а его следует рассматривать как результат взаимодействия многих факторов и интерпретаций ситуаций, благодаря которым действующий человек включается в социальную жизнь.

Кули Ч. создатель, теории «зеркального Я» который впервые в социологии ввел понятие малых, первичных групп, семья, группа ровней, соседство, местные общины и вторичных общественных институтов. Его основные работы посвященный теории идентичности – «Человеческая природа и социальный порядок»; «Социальная организация»; «Социальный процесс». Теории Ч. Кули «зеркального Я» основываются на следующих трех постулатах: 1) в процессе взаимодействия друг с другом люди способны представлять, как они воспринимаются обобщенным другим; 2) люди способны осознавать характер ответных реакций обобщенных других; 3) люди развивают самопредставления, чувства гордости или подавленности в зависимости от того, каким им видятся представления обобщенных других.

Основные его идеи построены вокруг тех понятий, что самосознание и ценностные ориентации индивида как бы зеркально отражают реакции на них окружающих людей, и главным образом из той же социальной группы. Он отмечает: «Социальную самость такого рода можно назвать отраженной, или зеркальной, самостью... Мы видим наше лицо, фигуру и одежду в зеркале, интересуемся ими, поскольку все это наше, бываем, довольны ими или нет в соответствии с тем, какими мы хотели бы их видеть. И конечно точно так же в воображении воспринимаем в сознании другого некоторую мысль о нашем облике, манерах, намерениях, делах, характере, друзьях, и это самым различным образом на нас воздействует».

Таким образом, понятие социальной идентичности обладает существенными возможностями, позволяющими предсказывать и интерпретировать различного рода социальные связи и отношения личности с другом. Это скрывается в самой дефиниции понятия социальная идентичность, а именно как «определение личности в терминах групповых атрибутов, которые возникают из идентификации с группой для того, чтобы описать или определить самого себя». Существование двух форм идентичности – социальной и личностной – допускает рассмотрение каждой из них с точки зрения и того и другого типа изменений. Соответственно, и возможны две плоскости изучения проблемы и подходов в рамках социологии.

Литература:

1. Фрейд З. Толкование сновидений. Издательство Хаверест. – М.: 2005. – С.480
2. Фрейд З. Групповая психология и анализ ЭГО. – М.:1991
3. Эриксон Э. Детство и общество – из.2-е, перераб. И доп. /Пер с англ.-СПб: Ленато, АСТ Фонд Университетская книга, 1996.-592
4. Marcia, J. Identity in adolescence. In J. Adelson (Ed), Hand book of adolescent psychology. New York: Wiley., 1980. 10-134 p.
5. Данилова Е.Н., Косэла К. О методологии исследования: общий подход и используемые методики/Е.Н. Данилова, К. Косэла//Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2022 гг.)/Сост. Е.Н. Данилова, В.А. Ядов. СПб.: РХГА, 2006.
6. Тэрнер Дж. С., Оукс П. Дж., Хэслем С.А., Дэвид В. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа/Дж. С. Тэрнер, П. Дж. Оукс, С.А. Хэслем, В. Дэвид// Иностранная психология. –1994. – Т. 2. – № 2(4). – С. 8-17.
7. Mead G. H. Mind, Self and Society, Chicago, 1976.
8. Мид Дж. «I» и «Me» как фазы Я/Дж. Мид/Разум. Я и общество//Избранное: Сб. переводов/РАН ИНИОН. Центр социал. научн.- информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2009. – С. 170-177.
9. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – с. 173-179.
10. Blumer H. Der methodologische Standort des symbolischen Interaktionismus // Alltagswissen, Interaktion und gesellschaftliche Wirklichkeit. Bd. 1. S. 144, Anm. 1.